

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-31-44
УДК 338–245(045)
JEL N00

Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны

И. Н. Шапкин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Проблема трансформации экономики является одной из центральных для экономистов всех времен. Особую актуальность она приобретает в настоящее время. Первый опыт перевода рыночной экономики мирного времени на военно-мобилизационные начала Россия приобрела в годы Первой мировой войны, впервые в мировой истории носившей тотальный характер. Для обеспечения воюющей армии необходимым вооружением, снаряжением, продовольствием требовалась концентрация всех сил, средств и ресурсов. Для победы необходимо было изменить систему государственного управления, наполнив ее новым содержанием. В настоящей статье выделены основные этапы формирования новой управленческой структуры, соответствующей задачам военного времени, дана характеристика новых органов управления, обозначен основной круг проблем объективного и субъективного характера, с которыми столкнулись власти в процессе реформирования системы управления.

Ключевые слова: военно-мобилизационная экономика; Ставка верховного главнокомандующего; Главное артиллерийское управление; организация С. Н. Ванкова; Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части; Особые совещания; Всероссийский Земский союз; Всероссийский союз городов; Военно-промышленные комитеты

Для цитирования: Шапкин И. Н. Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны. *Мир новой экономики*. 2023;17(1):31-44. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-31-44

ORIGINAL PAPER

Change of the Management System and Formation of the Russian Wartime Mobilization Economy Model during the First World War

I. N. Shapkin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The problem of the economic transformation has always been one of the main issues for the economists of all times. Nowadays it gains particular relevancy. The first experience of transforming the peacetime market economy into the economy based on the wartime mobilization principles was acquired by Russia during the First World War, which is considered the first total war in history. To provide the army with all the necessary weapon, ammunition and food a concentration of all the powers, resources and assets was needed. To win it was necessary to change the system of the governmental administration by filling it with new content. The article highlights the main stages of the new management structure formation, which could face the challenges of that time; a characteristic of the new administrative bodies is given as well as the general range of problems which the government faced while reforming the administration system.

Keywords: wartime mobilization economy; stavka of the supreme commander; main artillery directorate; S. N. Vankov's organization; special administrative commission on artillery; special council; All-Russian zemstvo union; All-Russian union of cities; military-industrial committees

For citation: Shapkin I. N. Change in the management system and formation of the Russian wartime mobilization economy model during the First world war. *The World of the New Economy*. 2023;17(1):31-44. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-1-31-44

© Шапкин И. Н., 2023

История повторяется
Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н.э.).

ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшние события убеждают в справедливости афоризма, высказанного древнегреческим историком. Действительно, многое из происходящего сейчас по форме и содержанию напоминает то, с чем столкнулась Россия сто лет назад. К началу Первой мировой войны она подошла, имея опыт неудачной войны с Японией, с незавершенными реформами, экономическими и политическими противоречиями, с ошибочной военно-стратегической оценкой будущей войны и т.д. «Относительно вероятной продолжительности войны в военных кругах Европы существовало поразительное единомыслие: и военные писатели всех стран, и наиболее авторитетные представители Генерального штаба утверждали, что грядущая война не может быть длительной, что вероятный ее срок — 3 месяца, а максимальный — полгода, что за это время будут завершены все серьезные операции и участь войны будет решена», — писал в 1920-х гг. генерал, профессор Н.А. Данилов [1]. Война истощит запасы дорогостоящего вооружения и снаряжения и вынудит противников сесть за стол переговоров. В военных планах ставка делалась не на организацию военного производства, а на обеспечение армии и флота подготовленными в мирное время запасами.

Ошибки стратегического планирования привели к военным, экономическим, моральным и имиджевым потерям России. Только мобилизация всех сил и ресурсов могла позволить преодолеть сложности и трудности, которые были вызваны как прежними просчетами, так и новыми проблемами. Логика войны потребовала перестройки органов управления. От осознания и быстроты принятия решений зависели успехи на фронтах.

НОВЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

За три дня до начала войны был принят документ, определявший структуру управления армией во время войны, — «О полевом управлении войсками в военное время». Высшим органом военного управления объявлялась Ставка верховного главнокомандующего. Она была создана в начале войны и состояла из службы генерал-квартирмейстера, отвечавшей за разработку оперативных вопросов, управления начальника военных сообще-

ний, руководившего транспортом в зоне боевых действий, военно-морского управления. При начальнике штаба имелась гражданская канцелярия и даже дипломатическая часть. Однако структура, отвечавшая за снабжение и обеспечение армии, отсутствовала. «При Верховном Главнокомандующем, — отмечал позже генерал А.А. Маниковский, — не было никакого специального органа, который ведал бы и руководил снабжением действующих армий» [2]. Сложнейшими организационно-управленческими и логистическими задачами должны были заниматься хозяйственные отделы Военного и Военно-морского министерств. На них возлагались задачи доставки с тыловых армейских складов в действующую армию вооружения, боеприпасов, снаряжения. На протяжении первых полутора лет войны в армии отсутствовала должность интенданта. Лишь 5 января 1916 г. было утверждено временное положение о полевом генерал-инспекторе артиллерии при Главкомверхе, на которого возлагалось общее руководство и наблюдение за своевременным, планомерным снабжением войск [3].

Война потребовала создания новых институтов управления. В августе 1914 г. при Главном управлении земледелия было учреждено Управление для снабжения фронтов продовольствием (так называемая «Хлебармия»), имевшее на местах (но не во всех губерниях) аппарат уполномоченных [4]. В обнародованном 29 августа 1914 г. документе, который назывался «Правила о местностях, состоящих на военном положении», командующим армиями предоставлялись широкие полномочия — запрещать или ограничивать вывоз продовольствия и фуража из прифронтовой полосы, позволялось устанавливать закупочные цены на продукты, предназначенные для армейских магазинов, регулировать производство некоторых отраслей пищевой промышленности. Частично управление хозяйством в прифронтовых областях перешло в руки военных и военной администрации.

Указ 8 декабря 1914 г. предоставил подобные права командующим тыловых военных округов. По закону 17 февраля 1915 г., по согласованию с губернаторами и уполномоченными, они могли устанавливать предельные цены на продовольствие, закупаемое для армии, ограничивать его вывоз и производить реквизицию. В марте 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был создан Комитет по вопросам снабжения продовольствием населения, который ранее находился

в компетенции МВД; министру путей сообщения было поручено обеспечить контроль за добычей и вывозом угля из Донбасса.

Предпринятые меры носили преимущественно ситуативный, не всегда продуманный и системный характер. Все это вносило путаницу в деятельность военных властей и местной администрации, вызывало межведомственные конфликты.

Продолжительное время крайне негативное влияние на правительственные круги оказывала идея о скоротечности войны. Этим можно объяснить непоследовательность и бессистемность проводимых правительством действий в начале войны. Результатом стал кризис вооружения, «снарядный голод» в конце 1914 г. К этому времени военное руководство пришло к мнению, что необходимы чрезвычайные меры. Сделанные запасы заканчивались, а казенная промышленность оказалась неспособной в полной мере обеспечить армию. В эмиграции генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов писал: «Размер потребностей превзошел все самые широкие предположения и потому удовлетворение их встречало все возрастающее затруднение. Тыл не поспевал за фронтом, и армия с каждым днем уменьшалась в своем составе, как уменьшалась степень ее обеспеченности» [5].

На первых порах царь и его ближайшее окружение считали, что достаточно расширить полномочия существовавших органов гражданской и военной власти. Они не предполагали создавать новых управленческих структур. Однако неудачи на фронтах показывали невысокую эффективность работы сложившейся системы управления. Особое неудовольствие вызывала деятельность Главного артиллерийского управления (ГАУ), осуществлявшего снабжение армии вооружением и боеприпасами¹.

Нехватка боеприпасов побудила начальника Ставки вел. кн. Николая Николаевича обратиться с предложением о создании Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части. 15 февраля 1915 г. она была учреждена в составе Военного министерства. Комиссия должна была

«способствовать обеспечению действующей армии предметами артиллерийского снаряжения путем наблюдения и контроля за действиями учреждений, занимающихся артиллерийским снабжением: по использованию наличных средств борьбы, по заготовлению новых средств путем заказа, покупки, а также расширения производительности заводов, по применению новых изобретений в артиллерийской области и др.» [6].

Ей поручалось установить рабочие «связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества». Комиссия получила право контролировать деятельность ГАУ и подведомственных ему организаций и лиц, всех причастных к выполнению военных заказов, к управлению казенными и частными предприятиями. Примечателен пункт Положения о том, что «контроль и вообще отношение к частным и казенным заводам фактически не должны выходить из рамок действовавших законоположений, высочайше утвержденных постановлений Совета министров и межведомственных соглашений» [7]. Это означало, что власть по-прежнему держалась за порядки мирного времени, предусматривавшие проведение торгов при распределении государственных заказов, соблюдение большого числа формальностей при их оформлении и т.д.

Комиссия приложила немало усилий для обеспечения топливом, материалами, оборудованием, рабочей силой оборонных предприятий. Одной из крупных и наиболее успешных мер явилось создание специальной организации генерала С.Н. Ванкова. Перед уполномоченным ГАУ была поставлена задача в кратчайший срок развернуть в стране выпуск по французской технологии трехдюймовых снарядов, являвшихся основным калибром полевой артиллерии. Не прекращая производство снарядов по российским стандартам, организации требовалось задействовать новые предприятия. Приступив к работе в апреле 1915 г., она сумела через месяц привлечь к исполнению миллионного заказа 49 средних и мелких предприятий, создав производство «замкнутого цикла» [8]. Все предприятия объединялись в четыре группы, возглавляемые «головным» заводом. К 1917 г. на организацию Ванкова работало 442 казенных и частных завода, производивших всю номенклатуру изделий, необходимых для создания снарядов. Она участвовала в строительстве новых промышленных предприятий [9].

¹ ГАУ было создано 28 декабря 1862 г. Оно обеспечивало войска всеми видами оружия и боеприпасов, осуществляло боевую подготовку артиллерийских частей, отвечало за усовершенствование военной техники и вооружения. Накануне Первой мировой войны Управлению подчинялось 50 военных заводов, производивших артиллерийское вооружение, 22 центральных артиллерийских склада, 12 окружных управлений. 200 частных предприятий по договорам производили артиллерийское вооружение и боеприпасы.

Война продемонстрировала недостатки существовавшей системы управления, которая оказалась неподготовленной к масштабному военному противостоянию. Важнейшим ее пороком являлась неготовность к быстрой перестройке работы, адаптации к новым условиям и запросам, отсутствие четкой координации и взаимодействия органов управления.

В первые месяцы войны верховная власть использовала отработанную десятилетиями практику принятия решений. В мирные годы сталкиваясь с вызовами, правительство отвечало на них созданием комиссий и совещаний с участием представителей чиновников и заинтересованных лиц, приглашением экспертов. Эти временные образования не имели никаких властных полномочий. Они выполняли лишь совещательные функции. Подобная многолетняя практика способствовала формированию определенного типа управленца, склонного исключительно к коллегиальным решениям, пытавшегося делегировать, переложить ответственность на других, неспособного быстро и системно подходить к решению стоящих задач. Среди российских управленцев было очень немного лиц, готовых взять на себя ответственность, не опасаясь за последствия. «Система совещаний» была и во время войны, т.е. в чрезвычайных условиях воспроизводился прежний управленческий стиль принятия решений.

ОСОБАЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ЧАСТИ

Логика развития диктовала, между тем, изменения в вопросах государственного строительства. В течение 1915 г. началось становление системы военно-экономического регулирования. Были созданы: Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части (1 января 1915 г.), Особое совещание по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия (май 1915 г.), Особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии, переименованное 7 июня 1915 г. в Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения.

На деятельность этих новых структур возлагались большие надежды. Им предоставлялись значительные полномочия. Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части (ОРК) «для

установления действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества», вменялось в обязанность «всеми мерами способствовать обеспечению действующей армии предметами артиллерийского снабжения». Председателю ОРК, подчиненного Ставке, поручалось «предъявлять ГАУ и подведомственным ему органам требования армии», добиваться их осуществления, «требовать от подлежащих органов сведений о нуждах армии», применять меры для удовлетворения этих нужд, «как внутри Империи, так и за границей» [10].

Комиссия имела право контролировать все учреждения военного ведомства, связанные со снабжением армии предметами артиллерийского довольствия; осуществлять осмотр и контроль за деятельностью предприятий всех форм собственности, выполнявших заказы ГАУ; производить реквизиции имущества и секвестр предприятий в случаях, когда не удается достигнуть добровольного согласия их владельцев на выполнение военных заказов. Однако при этом в положении содержалась оговорка, что «контроль и вообще отношение к частным и казенным заводам и фабрикам не должны выходить за рамки действующих законоположений» [10]. Данное ограничение свидетельствовало о половинчатости и непоследовательности принимаемых решений, т.е., с одной стороны, Комиссии предоставлялись большие права вплоть до реквизиций и секвестирования, а с другой — она должна была руководствоваться законодательством довоенного времени.

Создание ОРК стало первой попыткой учреждения органа экстраординарного характера. Однако ее деятельность была крайне слабо согласована с работой Ставки ВГК, Совета министров и отдельных министерств, прежде всего Военного министерства и его управлений, поэтому 30 июня 1915 г. распоряжением Николая II она была упразднена.

Как показала история войны, новые управленческие структуры не отличались высокой эффективностью. Результаты их деятельности были далеки от возлагавшихся на них надежд. И причин тому множество. Среди важнейших выделим: узковедомственный подход к решению стоящих проблем, отсутствие координации деятельности учреждений разного уровня, амбиции руководителей государственных ведомств. Созданные как ответ на военные вызовы, они по прошествии короткого времени упразднялись из-за конфликта со сложившейся управленческой моделью. Довольно типичной была

ситуация, когда сложнейшие вопросы решались на уровне личных контактов руководителей. В показаниях Верховной следственной комиссии вел. кн. Сергей Михайлович сетовал: «Нет возможностей принимать меры к подъему производительности заводов, кроме личных или через своих представителей обращений к руководству» [10]. Но, несмотря на кратковременность деятельности, они заложили основы для мобилизационного развертывания промышленности, создали условия для привлечения к решению стоящих задач новых предприятий. В чрезвычайные времена требовались нестандартные решения, новые люди.

Тяжелейшие поражения русской армии в Карпатах, стремительный откат войск из Галиции, «великое отступление» весной-летом 1915 г. вызвали шок в стране. Всплеск негодования в обществе был беспрецедентным. Никто не ожидал такой катастрофы. Тяжелая ситуация на фронтах поставила власти перед необходимостью сконцентрировать весь ресурсный потенциал страны в своих руках и начать привлекать частный бизнес к выполнению стоящих перед армией задач. Этого требовала не только военная ситуация на фронтах, но и патристически настроенная общественность страны.

Из-за военных неудач пришлось скорректировать систему управления военной промышленностью, упрочить регулирующую роль государства для объединения усилий государственного и частного сектора промышленности. Приоритетными для всех государственных структур стали задачи планирования, взаимодействия государственных органов, координация деятельности исполнительной власти с общественными организациями.

ОТРАСЛЕВЫЕ СОВЕЩАНИЯ

Летом 1915 г. власть приходит к мысли, что выходом из складывающейся ситуации могли бы стать особые органы управления, наделенные большими правами вмешательства в экономику. Война нарушила сложившиеся производственные, торговые, финансовые связи. Особую остроту приобрели топливные, транспортные и продовольственные проблемы. Для их решения были созданы три особых, «отраслевых» совещания по топливу, транспорту и продовольствию. 30 августа 1915 г. было учреждено Особое совещание по устройству беженцев.

Всем им предоставлялись значительные полномочия. Особое совещание по топливу могло устанавливать «предельные цены» на все виды

топлива, распределять топливо между потребителями, менять членов правления и директоров предприятий, налагать секвестр, назначать ревизию топлива, изменять условия заключенных договоров и т.д. Совещание по продовольствию получило исключительные права. Оно могло производить заготовки продовольствия и фуража для армии всеми способами, регулировать торговлю и цены, изымать скот, продукты, фураж, семена, отменять постановления местных властей в отношении торговли и снабжения городов. Особое совещание по перевозкам сосредоточилось на увеличении пропускной способности железных дорог, снабжении их подвижным составом, строительстве подъездных путей, покупке подвижного состава. Ему разрешалось устанавливать «принудительное пользование» подвижным составом железных дорог, пароходами, баржами и т.д.

Цель Особых совещаний состояла в согласовании и объединении усилий всех управленческих органов. Все они носили чрезвычайный, временный характер [12]. Для координации их деятельности летом 1916 г. под руководством председателя Совета министров было создано Особое совещание министров, которому подчинялись все отраслевые совещания.

Особые совещания являлись «высшими установлениями» в своей сфере. Их возглавляли соответствующие министры, обладавшие чрезвычайными полномочиями, правом создавать собственный аппарат и сеть местных комитетов и отделений. Только Совещание по перевозкам не имело своего аппарата на местах. Его распоряжения проводились аппаратом министерства транспорта. Руководители совещаний несли ответственность перед царем. Председатели Особых совещаний наделялись значительными правами, но их решения носили не обязательный, а лишь рекомендательный характер и нуждались в утверждении председателем Особого совещания по обороне. Повестка дня заседаний вносилась председателем.

Деятельность Особых совещаний строилась по отработанной схеме — через отраслевые комитеты, подготовительные комиссии и т.д. Председатели рабочих органов назначались председателями Совещаний, которые определяли круг рассматриваемых вопросов. Делопроизводство велось канцеляриями соответствующих министерств.

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ОБОРОНЕ

17 августа 1915 г. к работе приступило «Особое совещание для обсуждения и объединения меро-

приятый по обороне» (Особое совещание по обороне). В его состав вошли члены Государственной Думы и Государственного Совета, представители министерств и ведомств, крупного капитала. Среди членов Совещания было немного людей с практическим опытом работы в промышленности, разбиравшихся в вопросах снабжения многомиллионной армии. Генерал А.А. Маниковский позже напишет, что «совещание — слишком многолюдный орган для продуктивной работы» [2].

Новая организационная структура должна была стать центральным координационным и регулирующим органом управления формирующейся военно-мобилизационной экономики. Особое совещание осуществляло надзор за распределением военных заказов между русскими и иностранными заводами и фирмами; контролировало деятельность казенных и частных предприятий, выполнявших заказы военного ведомства; оказывало содействие строительству новых заводов и расширению действующих; согласовывало вопросы транспортировки военных грузов; обеспечивало рабочих оборонных заводов продовольствием, устанавливало размер заработной платы на этих предприятиях.

Исключительно широкими правами был наделен Председатель Особого совещания по обороне — военный министр. Он мог закрывать предприятия, не выполняющие казенных заказов; требовать приоритетного выполнения заказов казны; секвестировать частные предприятия и назначать для управления ими уполномоченных, мог устранять от службы и смещать директоров, управляющих, советы предприятий, работающих на оборону, назначать руководителей предприятий. Постановления Совета министров от 16 января и 25 октября 1916 г. еще более увеличили права председателя Совещания.

Особое совещание формировалось на принципах единоначалия. Председатель формировал повестку и мог приглашать на совещание любых лиц. Если его не было на совещании, то председательствовал помощник военного министра. Управление делами, делопроизводство Совещания возлагались на начальника канцелярии военного министра. Весь государственный аппарат подчинялся и замыкался на военном министерстве, что логично, поскольку в августе 1915 г. Верховным главнокомандующим стал Николай II. При новой конфигурации власти гражданские ведомства занимали второстепенное положение. Совещание — это орган, призванный решать военные задачи, — вопросы тылового обеспечения отошли на второй план. Обеспечение на-

селения оказалось вне поля зрения Совещания по обороне, что имело самые негативные последствия.

На местах работали районные уполномоченные. Большинство из них были военными, преимущественно в генеральском звании. 10 сентября 1915 г. в 12 промышленных и региональных центрах были учреждены «заводские совещания» — Петроградское, Московское, Нижегородское, Уральское, Киевское, Екатеринославское и т.д. Совещания состояли из представителей местных правительственных учреждений, организаций земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов, промышленников. Правительство тем самым признало, что знания и опыт последних может быть полезен в условиях военного времени.

Совещания координировали работу предприятий на местах, выстраивали кооперационные связи между предприятиями, осуществляли меры по более полному использованию ресурсов и производственного потенциала регионов [12]. Через них контролировалась деятельность заводов, выполнявших военные заказы. Их председатели получили право проводить общие и частные реквизиции, устанавливать заработную плату рабочим, изменять характер и объем производства, выдавать авансы, пособия и ссуды. Они направляли председателю Совещания представление об устранении от службы членов правлений, директоров и управляющих казенных и частных заводов, если в этом была необходимость.

Особое совещание по обороне опиралось на 9 экспертных групп, деятельность которых определял председатель. Были созданы: комиссия по общим вопросам, подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам, наблюдательная комиссия, эвакуационная комиссия, реквизиционная комиссия, комиссия по обеспечению предприятий, выполнявших военные заказы, рабочей силой, комиссия по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии, подготовительная комиссия по авиационным вопросам, статистическое бюро [6]. При Наблюдательной комиссии была учреждена Особая анкетная комиссия, занимавшаяся статистико-экономическими исследованиями, учетом забастовок, рабочей силы, выяснением степени загрузки промышленности отдельных районов и целых отраслей оборонными работами [6]. Кроме постоянных комиссий, при Совещании периодически создавались временные комитеты для наблюдения за деятельностью промышленных районов и отдельных оборонных предприятий, разработки различных нормативных документов.

Особое совещание закупало вооружение за границей через Русский правительственный комитет в Лондоне и Комитет по заготовлению предметов боевого и материального снабжения в США. На него возлагались задачи размещения и контроля за ходом выполнения военных заказов иностранными производителями.

Заседания Совещания по обороне происходили 2 раза в неделю. На них велся подробный журнал заседаний, который подписывался членами Совещания. В случае несогласия с принятым председателем Совещания решением его члены могли записать особое мнение. Объем работы был значительным. Иногда на одном заседании рассматривалось до 18 дел. Принятое решение направлялось в Исполнительную комиссию, которая готовила договора с исполнителями. Наблюдательная комиссия следила за ходом поставок, правильным и своевременным выполнением договоров. На основании ее заключений принимались решения о секвестрах, реквизициях, смене правлений заводов и т.п.

Особое совещание по обороне являлось основным военным заказчиком. На него приходилось 97% всех заказов [11]. Ему выдавались огромные авансы, достигавшие 60% суммы заказа, миллионные безвозвратные субсидии на развитие производства, восстановление эвакуированных предприятий, на приобретение за границей станков, инструментов, сырья. Особое совещание по обороне санкционировало строительство не менее 75 новых предприятий оборонного назначения. Благодаря ему стали активно развиваться химическая, автомобилестроительная, авиационная, электротехническая отрасли, а также подшипниково- и станкостроение [13].

Руководители Особых совещаний были обязаны докладывать обо всех принимаемых решениях председателю Совещания по обороне. Председатель мог приостановить решение других совещаний, а в случае невозможности прийти к согласию с ними передавал рассматриваемый вопрос в Совет министров. Военный министр обладал широкими правами в промышленной и финансовой областях. В его ведении находились вопросы финансирования военных заказов внутри страны, расходование денежных средств за границей. Порядок их расходования утверждался Особым совещанием. Он мог давать предприятиям обязательные заказы, учреждать и закрывать промышленные предприятия, устанавливать максимальные цены на сырье и готовую продукцию, размер заработной платы, реквизировать запасы сырья и полуфабрикатов,

ограничивать частную торговлю, менять директоров и членов правлений предприятий, налагать секвестр на недвижимое имущество и т.д.

Совещание по обороне стремилось скоординировать работу всех совещаний. Но в реальной жизни добиться этого было сложно, поскольку главы совещаний были равны и действовали самостоятельно. Все Особые совещания получили широкие полномочия — они отвечали за обеспечение армии необходимыми ресурсами и средствами. Вопросами жизнеобеспечения людей занимался Совет министров. Их взаимодействие носило нерегулярный характер. Таким образом, в тылу работали как бы две «параллельные» структуры, слабо связанные между собой, каждая из которых пыталась устанавливать собственные «правила игры» [14].

Решения, принимаемые Совещанием по обороне, нередко отличались неопределенностью и непоследовательностью, и это при том, что оно было наделено широкими полномочиями. Любой вопрос подвергался бесконечному изучению, передавался из одной комиссии в другую. Многие из них тонули в бесконечных спорах и согласованиях, особенно в сложных и неоднозначных случаях, например в вопросах реквизиции оборудования у частных предприятий, выдачи авансов и ссуд на расширение и переоборудование частных предприятий и т.д. Как справедливо заметил И.В. Маевский: «Особое совещание в большинстве случаев не решало, а лишь советовало» [15]. А руководитель ГАУ А.А. Маниковский высказался более резко, назвав его «политиканствующей говорильней» с невероятной разногласицей, бюрократизмом и рутинной [2].

На первых порах диалог с промышленниками Совещание по обороне вело с помощью комиссий и соглашений, а не директив и приказов. Привлечение частной промышленности происходило на основании законов и правил мирного времени и обставлялось массой формальностей, превращавшихся, по словам помощника начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерала Е.М. Смысловского, «в искусственное фортификационное сооружение, связывающее по рукам и ногам заготовителя» [16].

Другим недостатком Совещания являлось отсутствие системности в работе. Нередко под влиянием динамично меняющейся ситуации оно начинало решать новые задачи, не доведя до конца старые. Управленческий стиль мирного времени переносился на военное время. Конечно, многие проблемы государству приходилось решать впервые. У чинов-

ников отсутствовали разработанные процедуры, алгоритмы, «протоколы» действий. Правительству приходилось методом «проб и ошибок» нащупывать адекватные складывающимся обстоятельствам работающие управленческие инструменты и механизмы.

Создание в августе 1915 г. военно-регулирующих органов в виде системы Особых совещаний во главе с Особым совещанием по обороне, на которое возлагались межведомственные координирующие функции, явилось важным фактором, повлиявшим на мобилизацию и милитаризацию промышленности, на развитие и состояние всех отраслей производства.

Опыт деятельности структуры Особых совещаний, компетенции ее отдельных структур, полномочия должностных лиц развивались по линии централизации, ухода от совещательного и коллегиального порядка решения вопросов к возложению персональной ответственности на руководящее лицо, что в обстановке военного времени было полностью оправдано. Война требовала от государства непрерывного расширения сферы государственного вмешательства во все важнейшие отрасли народного хозяйства, в деятельность отдельных фирм и производителей.

Институт особых совещаний сохранялся и после событий февраля и октября 1917 г. Они существовали до марта 1918 г., т.е. до заключения Брестского мирного договора.

Наряду с Особыми совещаниями, осуществлявшими общее руководство военно-экономической мобилизацией, создавались органы по регулированию отдельных отраслей промышленности. В июле 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности был создан Комитет для снабжения сырьем хлопчатобумажных фабрик, а затем Комитеты по делам суконной, льняной и джутовой промышленности, опиравшиеся в своей работе на отраслевые монополистические объединения. Комитеты выполняли совещательные функции, но нередко обсуждаемые на их заседаниях вопросы становились решениями министерства.

К решению задач по обеспечению промышленных предприятий рабочей силой привлекались синдикаты «Продамет», «Кровля», «Медь», Общество меднопрокатных заводов с их разветвленным учетно-распределительным аппаратом. Горнопромышленники и металлурги активно включились в работу «Комитета по делам металлургической промышленности» во главе с генералом А.З. Мыш-

лаевским, учрежденного в январе 1916 г. Работники нефтяной промышленности активно сотрудничали с созданным при Главном артиллерийском управлении Химическом комитетом, возглавляемом академиком В.Н. Ипатьевым. Синдикат «Проволока» привлекался к работам проволочного делопроизводства Главного военно-технического управления [9].

Весной 1915 г. со всей очевидностью встал вопрос о необходимости участия частного бизнеса в решении задач по обеспечению обороноспособности. Вопрос о взаимоотношении власти и бизнеса вышел в число первоочередных. На каких началах строить эти взаимоотношения? Как добиться справедливого распределения на все группы населения страны тягот военного времени и не допустить «сверхобогащения» владельцев предприятий, выполнявших военные заказы? Как умерить ценовые аппетиты частных поставщиков? На эти и множество других вопросов требовалось дать ответы.

В первое время традиционализм, неспособность посмотреть на складывающуюся ситуацию по-новому проявились, например, в том, что военные заказы распределялись прежде всего среди государственных (казенных) предприятий и небольшой группы проверенных частных компаний, выполнявших их еще до войны. Но эти предприятия в условиях тотальной войны были не в состоянии в требовавшихся объемах обеспечить воюющую армию необходимыми средствами.

В стране не было разработанной системы привлечения частного бизнеса для государственных потребностей, мобилизации частной промышленности. Отсутствие механизмов регулирования отношений между правительством и частным бизнесом, предпринимателями и рабочими, нерешительность правительства в вопросе о милитаризации оборонных предприятий негативно сказывались на эффективности использования существующих производственных мощностей. Правительству приходилось «с колес» выстраивать отношения с бизнесом. Несмотря на сложности, количество частных предприятий, работавших на выполнение военных заказов, уже на начальном этапе войны постоянно возрастало. К 11 августа 1915 г. их численность увеличилось с 125 до 254, а выполнявших заказы интендантского ведомства — с 169 до 575 [15].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Первыми к созданию институтов военно-мобилизационной экономики приступили российские либералы. Они получили право на создание соб-

ственных организаций, участие в работе исполнительных органов власти. 12 августа 1914 г. был учрежден Всероссийский Земский союз (ВЗС), а 16 августа — Всероссийский союз городов (ВСГ). Земский союз объединил представителей земства, городской союз — общественных деятелей города, интеллигенцию, лиц «свободных профессий» и т.д. [15]. Высшим органом каждого союза был съезд уполномоченных. Между съездами их делами ведали главные комитеты союзов под председательством главноуполномоченных.

Земский союз представлял собой разветвленную структуру. К концу 1916 г. число учреждений Земского союза достигло 7728, из них главных комитетов — 174; губернских комитетов — 3454; фронтовых комитетов — 4100. К сентябрю 1917 г. в Союз городов входило 630 городов (около 75% от их общего числа). В союзах были заняты сотни тысяч людей.

С первых дней существования организации развернули масштабную деятельность. Правительство передало в ведение Земского союза снабжение фронта продовольствием и медикаментами, формирование врачебно-питательных отрядов. На фронте открывались полевые госпитали; действовали банно-прачечные отряды, мастерские, склады, пекарни и пр. При содействии земств на фронт были отправлены дружины из Саратовской, Петроградской, Ставропольской, Тульской и других губерний. С 1915 г. Земский союз занялся организацией мелкой промышленности и мастерских по производству обозного снаряжения и инженерно-строительных средств [17]. В Москве был открыт фармацевтический завод, ежегодно производивший продукцию стоимостью более 1 млн руб. Если в начале войны финансовые ресурсы Земского союза не превышали 12 млн руб., ассигнованных земствами, то к 1 января 1916 г. общая сумма правительственных ассигнований выросла почти до 190 млн руб.

Смета Союза городов на второе полугодие 1916 г. на лечение больных и раненых, на транспорт и санитарные мероприятия достигала 41,5 млн руб. Расход Союза за 1917 г. составлял 232 млн руб. при обороте в 464 млн руб. На питательных пунктах Союза было накормлено 4,3 млн рабочих и 8,6 млн беженцев. В 13 санитарных поездах Союза городов было перевезено 340 тыс. раненых. К осени 1916 г. число коек на его учете достигало 200 тыс. Через госпитали Союза с 1914 по январь 1916 г. прошел 1 млн 260 тыс. раненых [17].

10 июля 1915 г. эти союзы учредили «Главный по снабжению армии комитет Всероссийских Земского и Городского союзов» (Земгор) — объединенный общероссийский комитет общественных организаций. Правительство предоставило Земгору права полувоенной организации. Его чиновники носили форму и освобождались от военной службы.

Цель организации состояла в координации деятельности мелкой и кустарной промышленности для улучшения снабжения армии. Она занималась их переводом на выпуск продукции военного назначения. Деятельность Земгора позволила обеспечить армию шанцевым инструментом, обозным имуществом, наладить выпуск гранат, бомб, артиллерийских снарядов и др. Организация снабжала предприятия сырьем, топливом и необходимыми материалами.

Она строила собственные промышленные предприятия. Ей принадлежали кожевенные, консервные заводы, фабрики меховой обуви и десятки мелких ремонтных и пошивочных мастерских. В Москве Земгор владел фабрикой военно-полевых аппаратов; мастерской, где делались измерительные приборы и калибры, необходимые при производстве снарядов; двумя механическими заводами; подольским предприятием, изготавливающим трехдюймовые снаряды. В конце 1916 г. деятельность Земгора была свернута.

25–27 июля 1915 г. состоялся 1-й Всероссийский съезд Военно-промышленных комитетов (ВПК), а 27 августа того же года были приняты правительственные «Положение о военно-промышленных комитетах» и «Наказ о порядке образования и действия военно-промышленных комитетов и съездов». Эти программные документы определили правовой статус организаций, их цели и задачи.

«Положение» устанавливало, что ВПК учреждались на время войны для содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия, а комитет — это общественная организация, которая пользуется правами юридического лица, т.е. правом заключать договоры с частными и государственными учреждениями и общественными организациями, владеть собственностью, вступать в обязательственные отношения, организовывать приемку и сдачу предметов для нужд армии и флота, выступать в суде. Из казны военно-промышленным комитетам было ассигновано 300 тыс. руб. Впоследствии правительство предоставило ВПК

право получать 1% от всех казенных заказов, размещенных при их участии.

По всей стране была создана сеть ВПК. Они организовывались даже в тех районах, где отсутствовали или почти отсутствовали промышленные предприятия, способные выполнять военные заказы, например в Андижане Ферганской губернии, Кургане Тобольской губернии, Петропавловске Акмолинской губернии, Дагестане и других местностях. К началу 1916 г. к работе приступило 220 местных ВПК, объединенных в 33 областные структуры [18]. Возглавлял их работу Центральный ВПК, находившийся в столице. В Петрограде проходили съезды представителей ВПК. В 1915–1918 гг. выходил его печатный орган — «Известия Центрального ВПК».

Финансируемые казной Военно-промышленные комитеты оставались неподотчетными власти. Они самостоятельно формировали органы управления, набирали для работы служащих. Комитеты являлись общественными структурами [19]. В их компетенцию входило посредничество между казной и промышленностью, распределение военных заказов, регулирование сырьевого рынка и снабжение предприятий сырьем, нормирование цен на сырье, регулирование внешней торговли (закупки), рынка труда и транспорта.

У истоков ВПК стояли либеральные общественные деятели, которые полагали, что «мобилизация промышленности должна быть организована самими промышленниками»², а новая организация может превратиться в общенациональную структуру по координации работы промышленности без участия власти. Некоторые из них шли дальше. Они рассматривали комитеты как важнейшие элементы гражданского общества, как один из возможных механизмов регулирования экономики в послевоенное время. Довольно часто руководители ВПК занимали оппозиционную позицию к политике в целом и конкретным действиям власти, подчеркивая это при каждом удобном случае. Вклад ВПК в решение стоявших задач был невелик. К началу 1917 г., по подсчетам одних исследователей, на их долю приходилось 2–3% от общей стоимости военных заказов, из которых только 50% были выполнены, по оценке других — 17 и 11% соответственно [20].

Существование и расширение функций общественных организаций вызывало неоднозначное к ним отношение. Негативная реакция была со

² Организация военно-промышленных комитетов. Пг.: Тип. П.П. Гершунина; 1915. 289 р.

стороны правых партий, части правительства, членов царствующей фамилии. Между гражданскими и государственными институтами наблюдалось явное противостояние.

31 марта 1918 г. Центральный военно-промышленный комитет был переименован в Центральный народно-промышленный комитет, а ликвидирован 24 июля 1918 г.

Управленческая структура в годы войны постоянно корректировалась. Шел поиск наиболее адекватной текущей ситуации управленческой модели, приемлемой организационной формы для решения возникающих проблем. Падение престижа Особого совещания по обороне привело к учреждению в декабре 1915 г. «Совета пяти» ведущих министерств (военного, внутренних дел, торговли и промышленности, земледелия и путей сообщения), который должен был сосредоточиться на решении текущих вопросов, включающих: поставки в промышленные центры продовольствия, топлива; повышение производительности труда на угольных шахтах и рудниках; ускорение оборота вагонов и т.д. Однако из-за межведомственных противоречий «Совет пяти» был упразднен в марте 1916 г.

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИТОГИ К ФЕВРАЛЮ 1917 Г.

Несмотря на иллюзии в начале войны, логика развития вынудила власти начать перевод народного хозяйства на военно-мобилизационные рельсы, приступить к проведению мобилизационной политики. Смена траектории экономического развития неизбежно вела к реформированию прежних органов управления и наполнению их другим содержанием, к учреждению новых институций.

Новые управленческие структуры представляли собой элементы военно-мобилизационной, чрезвычайной экономической модели, построенной на принуждении, государственном регулировании и контроле. Она предполагала принудительное использование в поставленных государством целях экономических и неэкономических инструментов и методов. Ее действенность определялась способностью государства максимально использовать все существующие производственные мощности для удовлетворения потребностей армии и населения в военный период.

В своей деятельности новые институты стремились руководствоваться следующими принципами:

1. Простотой, доступностью планов и решений, не допускающих неполноты информации и информирования.

2. Плановностью, систематичностью и последовательностью принимаемых решений и оперативным их исполнением.

3. Точностью исполнения поставленных задач со стороны их ставящих и исполняющих.

4. Гибкостью, умением быстро перестраиваться по мере поступления новых задач и «вводных» и т.д.

Основными инструментами перестройки экономики являлись ограничительные, административные и антирыночные меры; использование принуждения и контроля за деятельностью бизнеса; сосредоточение в руках государственных институтов значительных административных полномочий, закрепленных законами; действия, нацеленные на расширение государственного сектора в экономике, обслуживающего запросы армии и промышленности, работающего для фронта и победы, и т.д.

В условиях формирующейся военно-мобилизационной экономики можно выделить несколько направлений экономической политики. Правительством использовалась милитаризация и реквизиция труда. На государственных военных предприятиях был введен специальный трудовой режим, т.е. были запрещены переходы рабочих с одних предприятий на другие, забастовки; практиковалось прикомандирование солдат на промышленные производства; распространились принудительные формы привлечения рабочей силы, широко использовались ночные и сверхурочные работы и т.д.

Происходила реквизиция станков, оборудования, целых заводов, земли, помещений для использования на предприятиях, выполнявших военные заказы. Осуществлялись принудительные объединения промышленных предприятий. Примером тому являлась «организация С.Н. Ванкова».

В 1915–1916 гг. проводилось секвестирование (фактически национализация) 94-х крупных промышленных предприятий. Этой мере подверглись даже прибыльные предприятия, работавшие на оборону.

Военная экономика требовала планирования, прогноза и точных расчетов. Планировалось производство снарядов, пороха, ружей, взрывчатых веществ, а затем — железнодорожные перевозки, заготовка продовольствия. В 1916 г. обсуждался даже план превращения всего народного хозяйства в единую плановую систему.

В сфере внешней торговли правительство установило монополию внешней торговли. В феврале 1916 г. Особым совещанием по обороне частным предпринимателям и предпринимательским организациям было запрещено производить заказы за границей. Они могли это делать только через уполномоченного Особого совещания. В его руках была сосредоточена вся валюта для зарубежных закупок.

В 1916 г. в ряде крупных городов была внедрена карточная система распределения хлеба, мяса и сахара. До Февральской революции данную систему удалось ввести только в 18 городах, в том числе в Москве. В конце ноября 1916 г. министр земледелия А.А. Риттих ввел хлебную разверстку. Подобным путем в 31-й губернии предполагалось заготовить около 700 млн пудов хлеба.

Таким образом, к 1917 г. в стране были заложены основы военно-мобилизационной экономики, важнейшими чертами которой являлись:

1. Наличие правомочного органа, обличенного высшими государственными полномочиями и тесно связанного с высшим военным командованием.

2. Наличие народнохозяйственного плана, включающего сметы доходов и расходов государства. План должен был корреспондироваться со стратегическим военным планированием.

3. Последовательное осуществление плана, связанное не только с необходимостью внутренних организационных и технических изменений в мобилизуемых элементах, но и с образованием системы органов, подчиненных высшему центру (военная организация народного хозяйства, милитаризованное народное хозяйство).

4. Юридические (правовые) формы мобилизации экономики могли быть весьма различны — от «свободного привлечения» («свободного» принуждения) до различных принудительных мер (установление законом повинности, национализации и милитаризации, подчинение военным органам и дисциплине) [21].

Итогом всех предпринятых усилий стала реорганизация и приспособление экономики «мирного» времени к военным нуждам. В течение 1915–1917 гг. государству и общественности удалось увеличить промышленное производство. В 1916 г. объем валовой продукции промышленности в стране вырос на 21,5% по сравнению с довоенным. При этом объем продукции машиностроения по сравнению с 1913 г. увеличился более чем в 4 раза — с 200,2 до

954,6 млн руб. Несмотря на все трудности военного времени, существенно возросло техническое оснащение предприятий. К лету 1916 г. 39 крупных машиностроительных заводов приобрели дополнительное оборудование, на которое было израсходовано 130 млн руб. Общая стоимость оборудования всех частных заводов, связанных с обороной, до войны не превышавшая 100 млн руб., приблизилась к 1 млрд руб. [22].

В конце 1916 г. из 2290 предприятий 1800 (81%) были переориентированы на выпуск продукции военного назначения. Из 2,4 млн рабочих, занятых в промышленности, 2 млн (86%) работали на предприятиях, обслуживавших нужды фронта [15]. Производство вооружений росло очень высокими темпами. В августе 1916 г. винтовок было изготовлено на 1100% больше, чем в августе 1914 г. Производство пушек с января 1916 по январь 1917 г. увеличилось более чем на 1000%, а 76-миллиметровых снарядов на 2000%. Выработка пороха и взрывчатых веществ возросла на 250–300% [22].

При всех просчетах и ошибках итоги мобилизации экономики впечатляли. Об этом писали современники событий: «Когда развертывалась оборонная работа в 1915 г., лицам, близко знавшим располагаемые средства и условия работы нашей промышленности и техники, трудно было поверить, чтобы были достигнуты такие результаты, которые можно было установить в конце 1916 г. Беспристрастный историк будет вынужден впоследствии признать, что в общем и целом русская техника справилась с положением и сделала значительно шире и значительно скорее то необходимое, чего имела право требовать от нее оборона страны» [23].

ВЫВОДЫ

В начале войны правительство и военное руководство показали непонимание складывающейся

ситуации, масштаба и глубины проблем. Для победы недостаточны патриотизм и жертвенность. Неэффективная система государственной организации порождала проблемы в обеспечении армии вооружением, продовольствием, амуницией, средствами связи, медицинским оборудованием.

Необходимо было не только осознание стоящих перед обществом задач, но и политическая воля для их решения. Постепенно началась реорганизация институтов управления. К сожалению, государственные институты новой мобилизационной экономики появились с большим опозданием и действовали не всегда эффективно, что сказывалось на фронтах.

История Первой мировой войны показала, что для успешного ведения военных действий требуются продуманные мобилизационные планы, которые с трудом согласуются с принципами рыночной экономики, с интересами предпринимательства. В России отсутствовало важнейшее условие войны индустриального века — компетентное экономическое планирование, направленное на сбалансированное развитие всего народнохозяйственного комплекса. В итоге невоенные отрасли промышленности к 1917 г. резко сократили объемы производимой продукции, озлобляя страдающее население.

Вместе с тем, несмотря на большие трудности, правительство не пошло на тотальную мобилизацию народного хозяйства. В кратчайшее время в стране произошли революционные изменения в сфере промышленности и технологий, области средств массовой коммуникации, организации экономической жизни страны, в системе внутренних социальных отношений.

В 1916 г. страна добилась значительных хозяйственных успехов. Многие программы и решения, подготовленные царским правительством, позже будут использованы большевиками в годы «военного коммунизма» и новой экономической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М.; Л.: Госвоениздат; 1926. 195 с.
2. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Госвоениздат; 1937. 718 с.
3. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин: Слово; 1924. 396 с.
4. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня; 1922. 350 с.
5. Данилов Ю.Н. О подготовке государства к современной войне. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Сб. ст. М.: Русский путь/Военный университет; 1999:277–283. (Серия: Российский военный сборник. Вып. 16).
6. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука; 1973. 650 с.
7. Иванова Н.А. Принудительные объединения в России в годы Первой мировой войны. Об особенностях империализма в России. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР; 1963:234–249.

8. Леонидов О.Л. История организации уполномоченного ГАУ по организации изготовления снарядов по французскому образцу генерал-майора С.Н. Ванкова (1915–1918). М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова; 1918. 284 с.
9. Бovyкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции). *История СССР*. 1959;(3):83–117.
10. Алексеев Т.В. Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части: прообраз органов военно-экономической мобилизации России в годы Первой мировой войны. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;(3–1):13–19.
11. Тимошенко А.И. Особое совещание по обороне в России в годы I мировой войны. *Правоведение*. 1968;(2):27–132.
12. Погребинский А.П. Государственно-монополистический капитализм в России. М.: Соцэкгиз; 1959. 266 с.
13. Алексеев Т.В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Лема; 2015. 768 с.
14. Сомов С.А. О «майском» Особом совещании. *История СССР*. 1973;(3):112–123.
15. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М.: Госполитиздат; 1957. 391 с.
16. Смысловский Е.М. Парадоксы русского военного хозяйства. *Снабжение Красной армии. Журнал военного хозяйства, производства и кооперации*. 1922;(1):3–15.
17. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН; 2003. 151 с.
18. Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Чрезвычайные органы военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны. *Россия в глобальном мире*. 2015;(6):93–107.
19. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого режима (1914–1918). Рязань: НРИИД; 2004. 467 с.
20. Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М.: РГГУ; 2012. 237 с.
21. Святловский Е. Экономика войны. М.: Военный вестник; 1926. 484 с.
22. Алексеев Т.В. Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки Первой мировой войны. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2016;(3):16–25. DOI: 10.5862/JHSS.250.2
23. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Центрсоюз; 1922. 103 с.

REFERENCES

1. Danilov N.A. Economy and preparation for war. Moscow, Leningrad: Gosvoenizdat; 1926. 195 p. (In Russ.).
2. Manikovskii A.A. Military supply of the Russian army in the World War. Moscow: Gosvoenizdat; 1937. 718 p. (In Russ.).
3. Danilov Yu.N. Russia in the World War, 1914–1915. Berlin: Slovo; 1924. 396 p. (In Russ.).
4. Kondrat'ev N.D. Cereal market and its regulation during the war and revolution. Moscow: Novaya Derevnya; 1922. 350 p. (In Russ.).
5. Danilov Yu.N. On the preparation of the state for modern war. In: Military thought in exile. Works of the Russian military emigration: Coll. pap. Moscow: Russkii put'/Voennyi universitet; 1999:277–283. (Russian Military Collection Series. No. 16). (In Russ.).
6. Sidorov A.L. The economic situation of Russia during the First World War. Moscow: Nauka; 1973. 650 p. (In Russ.).
7. Ivanova N.A. Forced associations in Russia during the First World War. In: On the peculiarities of imperialism in Russia. Coll. pap. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ.; 1963:234–249. (In Russ.).
8. Leonidov O.L. The history of the organization of the commissioner for the Main Artillery Directorate for the organization of ammunition manufacture according to the French model of Major General S.N. Vankov (1915–1918). Moscow: A.I. Mamontov Printing Partnership; 1918. 284 p. (In Russ.).

9. Bovykin V.I., Gindin I.F., Tarnovskii K.N. State-monopoly capitalism in Russia (to the question of the prerequisites of the socialist revolution). *Istoriya SSSR*. 1959;(3):83–117. (In Russ.).
10. Alekseev T.V. Special Administrative Commission on artillery: Prototype of wartime economic mobilization bodies of Russia in the years of the First World War. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016;(3–1):13–19. (In Russ.).
11. Timoshenko A.A. A special defense council in Russia during the World War I. *Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1968;(2):27–132. (In Russ.).
12. Pogrebinskii A.P. State monopoly capitalism in Russia. Moscow: Sotsekgiz; 1959. 266 p. (In Russ.).
13. Alekseev T.V. Special meeting on state defense and wartime economic mobilization in Russia during the First World War (1914–1917). St. Petersburg: Lema; 2015. 768 p. (In Russ.).
14. Somov S.A. On the “May” Special council. *Istoriya SSSR*. 1973;(3):112–123. (In Russ.).
15. Maevskii I.V. Russian industry economy in the First World War. Moscow: Gospolitizdat; 1957. 391 p. (In Russ.).
16. Smyslovskii E.M. Russian military economy paradoxes. *Snabzhenie Krasnoi armii. Zhurnal voennogo khozyaistva, proizvodstva i kooperatsii*. 1922;(1): 3–15. (In Russ.).
17. Shevyrin V.M. Power and public organizations in Russia (1914–1917): Analytical review. Moscow: INION RAS; 2003. 151 p. (In Russ.).
18. Fomichev A.V., Fomicheva L.S. Emergency administrative bodies of wartime economic mobilization during the First World War. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World*. 2015;(6):93–107. (In Russ.).
19. Kulikov S.V. The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old regime (1914–1918). Ryazan: NRIID; 2004. 467 p. (In Russ.).
20. Kyung P.A. The mobilization of economy and private business in Russia during the First World War. Moscow: Russian State Humanitarian University; 2012. 237 p. (In Russ.).
21. Svyatlovskii E. Economics of war. Moscow: Voenny Vestnik; 1926. 484 p. (In Russ.).
22. Alexeev T.V. The switch of the Russian industry to warfooting: Results and lessons of the First World War. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences*. 2016;(3):16–25. (In Russ.). DOI: 10.5862/JHSS.250.2
23. Grinevetskii V.I. Post-war prospects of Russian industry. Moscow: Tsentrsoyuz; 1922. 103 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Николаевич Шапкин — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
Igor N. Shapkin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Director of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3060-9610>
ishapkin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2022; после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 05.02.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.12.2022; revised on 10.01.2023 and accepted for publication on 05.02.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.